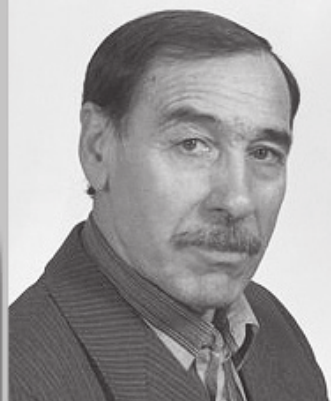

Василий Гудяев

г. Ленинск-Кузнецкий

Река

«В одну реку нельзя войти дважды».
Гераклит

Подол осоки треплют ветерки,
Под валуном гальяны притаились.
Я снова оказался у реки,
Чей путь ещё по-прежнему извилист.

Когда-то малолетнего меня
В покосный день натоптанной тропею
Отправил прадед напоить коня –
Мы вот сюда спустились к водопою.

Пил конь, а я, держась за поводок,
Стоял в реке, смотрел на лес высокий,
Стрекозка и нарядный мотылёк
Играли в «догонялки» над осокой.

Но главное произошло потом.
Взглянув случайно в сторону другую,
Совсем неподолёку за кустом
Я вдруг увидел девушку нагую

Чуть выше по течению. Река
Усталость или грусть с неё смывала,
Заметив, что смотрю издалека,
Мол: «Отвернись» – она мне помахала.

И поводок я выронил из рук,
Вот отвернуться – не хватило силы.

Так в первый раз причина нежных мук –
Земная плоть глаза мне ослепила.

Напившись, конь толкнул меня в плечо,
За поводок позволил ухватиться,
В мальчёнке сердце билось горячо,
То чудо мне не раз потом приснится.

...Лес поредел. Порхают мотыльки.
Живу пока, чудес не отвергая.
Стою на берегу родной реки,
Река всё та же. Вот вода другая.

Книги

Кто книги не читал запоем?
Взяв томик лирики с собой,
Я тоже уходил в «запой»,
Нам было хорошо обоим:

И мне, и автору – поэту,
Как будто за одним столом
Мы угощались коньяком,
А мой кумир мечтал об этом.

Ему шептала Муза оды,
Чтоб он взошёл на пьедестал.
И я стихи его читал –
Они вне времени, вне моды.

Умеет сохранять интригу
Шуршанье лёгкое страниц,
Подобное полёту птиц.
Мне гаджет не заменит книгу.

Хвалебных од «царям» не посвящал,
На общей кухне не хамил соседям,
Меня не настигал девятый вал,
Не стал я Крёзом, но душой не беден.

Гудяев Василий. Родился в 1949 году. Образование – 10 классов средней школы. Основная профессия – строитель-монтажник. Стихи публиковались в альманахах «Кольчугинская осень», «Образ»; в журнале «Огни Кузбасса». Изданы четыре книги стихов: «Максим медвежий сын», «Вехи», «Сколько зим», «Мои дороги». Живет в г. Ленинск-Кузнецкий.

А может, надо было бы «лизнуть»?
 На кухне плюнуть склочнице в кастрюлю?
 И этот чёртов вал перенырнуть?
 Исподтишка всадить в кого-то пулю?

Но я тогда бы стал уже – не я,
 Чужие нацепив себе медали,
 И мне такому лучшие друзья
 Ни чарки, ни руки бы не подали.

Уже не густо небеса копчу,
 Чтоб Господу глаза не застит дымом.
 Свою обетованную топчу.
 Любил. Люблю. И даже был любимым.

Время

Становлюсь идиотом, теряю и память, и
слух,
 Забываю друзей, а порой даже личное
имя.

Вот пополню собою отряд стариков
и старух,
 И согбенный, больной затеряюсь
однажды меж ними.

Всё же хочется крикнуть банальное:
«Время, постой!»
 Но его возвращаться и даже стоять
не учили,
 И без усталости мчится оно по упрямой
прямой,
 Оставляя про нас на земле слишком
мрачные были.

Пусть летит моё время, а был я и сам
сочиню,
 Даже чуть веселей, чем оно
в торопливости вечной.
 Время я не виню, вообще никого не виню
 И надеюсь – моя будет были его
человечней.

Ну что мы всё о важном и серьёзном?
 Друзья, поговорим о пустяках,
 Как весело витали в облаках,
 О юности, весне, о небе звёздном.

Про деньги, про политику – ни слова
 Уж лучше – про рыбалку и футбол,
 Как наши ихним вколотили гол,
 И как добиться бешеного клёва.

Повспоминаем, почесавши темя,
 О том, как полюбили в первый раз,
 И раззадорит, как когда-то нас,
 Обыденного трёпа мелкотемье.

Разглядятся на хмурых лбах морщины,
 Опять запляшут чёртики в глазах,
 И пусть о нас скучают в гаражах
 Любовниц заменившие машины.

Про любовь

Когда ходил под стол пешком,
 Меня любили бабушки
 И угощали «петушком»,
 А на ночь пели «Баюшки».

Потом я юношею стал
 И жил, в удачу веруя,
 Ну и, конечно, повстречал
 Любовь девчонки – первую.

Ещё я вспоминаю вновь
 Обиженную женщину,
 Как мне она за нелюбовь
 Отвесила затрещину.

Теперь хожу я с батожком,
 С трудом жую оладушки,
 Стал благодивным старичком,
 И снова любят бабушки.

Пепел Чернобыля

Это грешных пугают и карой, и пеклом,
 Заставляют смириться, подняв белый
флаг.
 Мы сгорели давно, став чернобыльским
пеплом,
 Не дождавшись при жизни обещанных
благ.

Но не пепел фонит на осколках державы,
 Саркофагом который пытались
укрыть, –
 Это души сгоревших, не требуя славы,
 Будут вечным уроком над миром фонить.